
Александр Мурзин
Невесомые связи
Книга вторая.
Моральник.

Александр Мурзин

Невесомые связи. Книга вторая. Моральник.

https://litres.ru/74780502
SelfPub; 2026

Аннотация

Во второй книге «Невесомые связи. Моральник» герои отправляются на Алтай, в Усть-Сему, где цветёт маральник. Там они встречают людей, которые, как и они, слышат тишину и ждут. Оказывается, «невесомые связи» — это не сигналы извне, а общее основание, на котором сходятся ритмы. Как метрономы на одной доске или клетки сердца, которые начинают биться в такт, стоит им коснуться друг друга. Сеть не просто шлёт импульсы — она проверяет, на связи ли ты. И ответить можно не словами, а готовностью слушать. Герои понимают: чтобы услышать другого, нужно перестать спешить. Связь между людьми, местами и временем проявляется в совпадениях, снах, в ощущении «я на связи». Появляется Александр — тот, кто оставил книгу и ждал их много лет. Встреча с ним подтверждает: открытие сделано с двух сторон, а невесомые связи — это тонкие нити, которые соединяют всё, если быть внимательным. Не зови, но и не прячься. Просто будь на связи.

Содержание

Часть I. Гость 5
Глава 1. Второе января 5
Глава 2. Пятеро и один 11
Глава 3. Полка обмена 19
Глава 4. Ясный Ключ 25
Глава 5. Новый вопрос 31
Часть II. Язык 37
Глава 6. Две недели 37
Глава 7. Перекличка 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Александр Мурзин
Невесомые связи. Книга вторая. Моральник.

Часть I. Гость

Глава 1. Второе января

Мороз

Второе января в Новосибирске начинается поздно и тихо. Город после праздников похож на человека, который проснулся с чувством, что вчера было очень много хорошего, и теперь ходит осторожно, чтобы не расплескать. Дворы стояли занесённые, дворники ещё не вернулись из отпусков, и Олег шёл к вокзалу по узкой тропинке, протоптанной кем-то до него.

Мороз был не злой, а деловой: щипал нос, скрипел под подошвами и оставлял на ресницах иней. В кармане куртки привычно лежала камера. Олег не собирался снимать, но по дороге всё-таки остановился и сделал два кадра: заиндевевшие провода и одинокий трамвай, медленно идущий в никуда.

Спал он плохо. Не от тревоги, а от того странного состояния, которое бывает перед встречей, к которой не знаешь, как относиться. Саша обещал приехать на Новый год, и вот

он ехал, с опозданием на два дня, потому что билеты на праздники, по его словам, «покупают люди с планом». А ещё была запись в журнале, шестая подпись, и фраза: «Ждите гостя». Олег повторял себе, что это совпадение. У него было три объяснения, и каждое звучало убедительно до тех пор, пока не нужно было произнести его вслух.

Артём прислал короткое сообщение: «Удачи на перроне. Скажи, что мы его ждём». Олег ответил: «Он едет к брату, а не к нам». Через минуту пришло: «Это одно и то же». Олег убрал телефон в карман. Спорить с Артёмом было так же бессмысленно, как спорить с погодой о том, что она делает.

Вокзал

Поезд опоздал на восемь минут, что для второго января считалось почти пунктуальностью. Олег стоял у края платформы и считал вагоны, потому что заняться больше было нечем. Рядом притоптывала на месте женщина с огромной сумкой, чуть дальше мальчик в шапке с помпоном объяснял отцу, что поезда не приезжают, а «появляются».

Он появился из белой пелены сначала звуком, потом светом, потом огромной тёмной тенью. Двери открылись не сразу. Людей на платформе стало больше, в воздухе запахло углём и мандаринами.

Олег увидел его издалека.

Похожий

Саша выходил из шестого вагона последним, спустился по ступенькам спиной вперёд, как делают те, кто привык смотреть, куда ставит ногу, и только потом повернулся. Тёмная куртка, шапка, натянутая чуть набок, чемодан в одной руке, в другой пакет с чем-то круглым. Те же плечи. Та же привычка слегка склонять голову, когда прислушиваешься. Олег видел это каждое утро в зеркале и каждый раз удивлялся, что на другом лице оно выглядит куда приятнее.

Они были близнецами, всю жизнь слышали «как две капли» и всю жизнь утверждали, что на самом деле совсем разные. Но сейчас, на людной платформе, посреди морозного дыма, никто бы не поспорил.

— Привет, — сказал Саша.

— Привет, — сказал Олег.

Они произнесли это в один миг, одним тоном, и вокруг на секунду стало очень тихо. Мальчик в шапке с помпоном посмотрел на них, потом на отца и вполголоса сообщил: «Двое».

— Это вероятность, — сказал Олег.

— Ты опять, — засмеялся Саша и обнял его так крепко, что хрустнул воротник. — Я скучал. Хотя ты, конечно, скажешь, что это статистика.

Когда он отстранился, Олег заметил то, что заметил бы

любой, кто знал привычки брата: в нагрудном кармане Саши чуть оттопыривалась камера. Такая же. Не просто похожая, а совершенно та же, только, пожалуй, чуть потёртее.

— Ты опять её таскаешь? — спросил Олег.

— А ты? — Саша кивнул на его куртку. Олег поймал себя на том, что рука уже лежит на кармане.

Они не стали ничего объяснять. Просто пошли к выходу, плечом к плечу, как ходили в детстве.

Чемодан

Дома у Олега было тепло. Саша разделся, оглядел комнату с тем выражением, с каким гость осматривает чужую квартиру, находя в ней знакомые вещи, и сказал: «У тебя ничего не изменилось. Только на полке стало больше книг и меньше фикусов». Олег ответил, что фикус был не его.

Они пили чай на кухне, крепкий, как любил Олег, и говорили обо всём подряд: о дороге, о маме, о поезде, где соседка по купе всю ночь рассказывала про внуков. Про «ждите гостя» Олег промолчал. Он сам не знал, как начать. Поэтому вместо этого спросил:

— Ты что-то привёз?

Саша кивнул и пошёл за чемоданом. Раскрыл его на полу в комнате, достал свитер, пакет с мандаринами («круглое, чтобы не мялось»), шерстяные носки для Олега. Потом помедлил, будто собираясь с духом, и вынул из-под них что-то

плоское, завёрнутое в газету.

— Я хотел показать тебе в первую очередь, — сказал он. — Только не смейся.

Он развернул газету и положил на стол книгу. Серая обложка, чуть шершавая бумага, неровные буквы. Название набрано шрифтом, которым никто не пользовался лет двадцать.

«Мурзион. Связь, которая проходит сквозь чёрную дыру».

Олег не сказал ни слова. Он смотрел на неё так, как смотрят на человека, которого не видели много лет и который ничуть не изменился.

— Откуда она у тебя? — спросил он наконец.

— Расскажу, — сказал Саша. — Но сначала открой.

Форзац

Олег взял книгу осторожно, как берут что-то хрупкое, и открыл первую страницу. Обложка легла ему в ладонь знакомо, будто они уже встречались. На форзаце, в верхнем углу, было написано одно слово. Синим карандашом, мелким, ровным почерком:

«Александр».

Ни фамилии, ни даты.

— Ты что, подписал? — спросил Олег и тут же услышал, как глупо это звучит.

— Я бы подписал себя с фамилией, — сказал Саша. — И не карандашом. — Он помолчал. — Я пробовал стереть. Сначала ластиком, потом ногтем. Только бумагу испортил.

Олег провёл пальцем по строчке. Слово лежало на бумаге мягко, почти невесомо, как лежит след на стекле после тёплого дыхания. Он знал это имя. Не потому, что оно было распространённым. А потому, что где-то, в какой-то момент он уже слышал его, и слышал не случайно. Где именно, он пока не мог вспомнить. Но память двигалась в нужную сторону, медленно, как поезд, подъезжающий к платформе.

— Откуда она у тебя? — повторил он.

— Взял, — ответил Саша. — То есть не купил, а взял. Это длинная история, и мне кажется, что она тебе понравится.

Олег кивнул. За окном день: низкое розовое солнце лежало на крышах, снег искрился, и по двору шла женщина с санками, в которых сидело что-то очень довольное. На кухне остывал чай. Он понял вдруг, что впервые за много месяцев не знает, что произойдёт дальше, и что это, как ни странно, приятно.

— Рассказывай, — сказал он.

Глава 2. Пятеро и один

Лаборатория на каникулах

Историю про книгу Саша попросил отложить до завтра. Он хотел рассказать её один раз, всем сразу и, как он выразился, «не за чайником, а при свидетелях». Олег, который не любил повторять данные, согласился с облегчением.

К четырём часам они дошли до института. Институт на каникулах выглядел так, как выглядит театр утром: те же коридоры, та же вешалка у входа, но всё вокруг будто ходит на цыпочках. Вахтёр, тот самый, что неделю назад раздавал лопаты, встретил их у турникета, окинул взглядом двух одинаковых людей и сказал:

— Сначала я подумал, что у меня двоится. Потом подумал, что у вас.

Он пропустил обоих без пропуска и попросил только об одном: «Если что, тяжёлое не двигать».

В лаборатории пахло мандаринами. Остальные были уже там и изображали обычный рабочий день с таким усердием, что любой догадался бы: никто не работает. Кира должна была улететь в Москву первого числа, но заменила билет, потому что «ждите гостя» читалось как приказ. Лена позвонила

домой, и дочь сказала в трубку: «Мам, оставайся, у нас тут всё сошлось». Игорь пришёл с контейнером с синей крышкой и заявил, что три дня «совершенно свободен». Артём с самого утра стоял у окна и делал вид, что изучает сугробы.

Когда дверь открылась и вошли двое, наступила пауза. Четверо смотрели на двух одинаковых людей, и никто не знал, к кому обращаться.

— Здравствуйте, — сказал Саша. — Я тот, кого ждали. Или тот, кто пришёл вместо.

— Скорее всего, тот, — сказала Кира. — Я предпочитаю думать, что тот.

Знакомство

Кира справилась первой, как справлялась всегда: шагнула вперёд, пожала Саше руку и в одно дыхание выдала, что очень рада, что много слышала, что ничего не слышала, потому что Олег рассказывает мало, и что диктофон лежит в сумке и там и останется. Саша сказал, что он тоже много слышал, потому что Олег рассказывает мало и по телефону, а по телефону он, как известно, не рассказывает вообще.

— Мне, правда, кажется, что я вас знаю, — добавил он. — Хотя это, скорее всего, неправда.

— Это, скорее всего, правда, — сказал Игорь, поднимаясь из-за стола. Он снял очки, протёр их краем свитера и надел обратно, и лицо его, как всегда в такие минуты, стало осто-

рожным и немного растерянным. — Простите. Я пытаюсь не сравнивать, но у меня не очень получается.

— Мы близнецы, — подсказал Саша.

— Я понимаю. Я имею в виду, что у вас обоих одинаково склоняется голова, когда вы слушаете. Это не должно быть наследственным.

— Это не наследственное, — сказал Олег. — Это просто привычка.

— У обоих? — спросил Игорь. — Одинаково?

Олег промолчал.

Артём не стал ничего спрашивать. Он подошёл, обнял Сашу так, будто они встречались каждое лето, и отступил на шаг, чуть прищурившись.

— Вы идёте по-другому, чем он, — сказал он. — Тише.

— Это комплимент? — спросил Саша.

— Это наблюдение, — ответила за него Лена.

Она сидела на подоконнике с блокнотом на коленях и смотрела на Сашу долго, как смотрят на человека, пока не поймут, что именно в нём знакомо. Потом сказала негромко:

— Вы слушаете так же, как он. Только мягче.

Саша улыбнулся. В его улыбке не было ни удивления, ни смущения, только тихое согласие, словно он давно знал, что так оно и есть, и ему приятно, что кто-то сказал это вслух.

Приветствие

Это случилось почти случайно. Саша ходил по лаборатории, разглядывал приборы с вежливым интересом человека, который ничего в них не понимает и не стыдится, и остановился у стойки магнитометра, где на проводе висела красная нитка.

— Это для чего? — спросил он.

— Чтобы приборы знали, что праздник, — серьёзно ответил Артём.

Саша кивнул, как будто это объясняло всё, и тут Игорь вдруг замер с чашкой в руке.

— Подождите, — сказал он тихо. — Не двигайтесь, пожалуйста.

Он подошёл к ноутбуку, на экране которого, как всегда, мерцал журнал приветствий. Сеть здоровалась с каждым из них по-своему, и за эти месяцы они научились различать это, как различают шаги домашних. Лена: два пика и площадка. Кира: три коротких. Артём: один длинный и два коротких. Игорь и Олег: свои формы, знакомые до последней чёрточки.

В конце журнала появилась новая строка.

Короткая. Тихая. Очень похожая на подпись Олега, но чуть наоборот, как отражение в стекле.

— Это шестая, — прошептала Кира.

— Нет, — сказал Игорь.

Он открыл вторую вкладку, где хранилась та самая, шестая, с новогодней ночи, и наложил одну на другую. Линии легли почти точно. Почти. Игорь долго смотрел, отодвинулся, снова придвинулся и наконец выдохнул, и лицо у него стало таким, будто ему сказали: «у тебя завтра выходной».

— У этой есть хвост, — сказал он. — Маленький изгиб в конце. У шестой его не было. Очень похожа. Но не она.

— Значит, шестая всё-таки чья-то, — медленно сказала Лена. — Не его.

— Или его, — возразил Артём. — Просто сегодня он пришёл с другой стороны.

Они повернулись к Саше. Тот стоял у стойки с красной ниткой, держа руки в карманах, и выглядел человеком, которого застали за тем, что он, сам того не зная, вошёл в чужой разговор.

— Я что-то сделал? — спросил он.

— Вы поздоровались, — сказала Лена. — А с вами поздоровались в ответ.

Синхронные звонки

Потом, за чаем, разговор сам собой свернул к тому, о чём Олег предпочёл бы промолчать.

— Вы, кажется, звоните друг другу одновременно, — осторожно начала Кира. — Олег как-то обмолвился.

— Олег никогда не обмолвливается, — сказал Саша. —

Он докладывает. И всегда добавляет «это вероятность».

— Это и есть вероятность, — сказал Олег.

— Сто сорок раз? — спросил Саша.

В комнате стало тихо. Игорь медленно поставил чашку.

— Простите, сколько?

— Сто сорок или сто пятьдесят, — сказал Саша. — Я записывал. С двадцати лет, в блокноте. Дата, время, кто что хотел сказать. Мы звоним друг другу примерно раз в неделю, так что всего звонков за двадцать с лишним лет было, наверное, около тысячи. А те, где мы набирали номер в один миг, я отмечал звёздочкой.

— Даты есть? — спросил Игорь.

— Конечно. Я же не просто так.

Игорь достал блокнот и молча принялся считать. Минуту, две. Все ждали. Наконец он поднял голову, и взгляд у него был тот самый, которым он смотрел на график в синем журнале девятнадцатого года.

— Пятнадцать процентов, — сказал он. — Если ваши цифры точные. Это очень много.

— Много чего? — спросил Олег.

— Для совпадения, — ответил Игорь. — Для двух людей, которые звонят случайно.

Олег открыл рот, закрыл его и только потом заметил, что за весь разговор ни разу не произнёс слово «вероятность». Игорь заметил это тоже. Он ничего не сказал, только чуть заметно улыбнулся и вернулся к блокноту.

Два брата

Ночью на кухне у Олега было тихо. Раскладушка нашлась в кладовке, и Саша расставил её между столом и окном, воодушевлённо объясняя, что так лучше слышно холодильник.

— Ты обещал рассказать про книгу, — сказал Олег, ставя чайник.

— Завтра. Всем вместе. Сегодня просто побудем.

Они сидели друг напротив друга и молчали, как умеют молчать только братья. Чайник закипел, Олег налил чай и вдруг сказал, не глядя:

— Мне писали: «Ждите гостя».

Саша поднял глаза.

— Кто?

— Не знаю. Один человек, которого мы называем Узелноль-один. — Олег повертел чашку в руках. — Я думал, что это вообще не про тебя. Ты же обещал приехать на Новый год.

— Я не писал, — тихо сказал Саша. — Честно. Я ехал, потому что не мог не ехать. Билет купил за две минуты. Как будто кто-то подтолкнул.

— Или потому что праздники.

— Или потому что праздники, — согласился Саша.

Они засмеялись, без причины и почти беззвучно, так, как смеются в детстве после отбоя. Потом Олег погасил свет. В

темноте были слышны холодильник, ровное дыхание Саши и где-то на верхнем этаже чьи-то шаги.

— У вас тут всегда в ночь одно окно горит? — спросил Саша из темноты.

Олег подошёл к окну. Во дворе, напротив, в длинном ряду тёмных окон светилось одно. Жёлтое, тёплое, как лампа у кровати.

— Не всегда, — сказал он. — А что?

— У меня дома тоже. В доме напротив. Каждую ночь одно окно. Я думал, у всех так.

Олег помолчал. Потом достал из кармана куртки, висевшей на спинке стула, камеру, медленно, как достают что-то очень привычное, и сделал кадр. Из темноты, с раскладушки, послышался тихий щелчок: Саша сделал то же самое.

Они переглянулись и ничего не сказали.

Глава 3. Полка обмена

Серая книга

Саша рассказывал при свидетелях, как и обещал. К трём часам следующего дня все были в сборе: Кира с чаем и диктофоном «на всякий случай» (Саша заявил, что «на всякий случай» разрешает), Игорь с блокнотом, Лена на привычном подоконнике, Артём на ящике из-под приборов, Олег у стола. Книга лежала в центре, на чистом листе бумаги, как экспонат.

Её передавали из рук в руки осторожно, как передают спящего ребёнка. Игорь долго разглядывал шрифт и сказал, что так набирали лет двадцать назад на очень старой машине. Кира долистала до конца и сообщила, что выходных данных нет: ни издательства, ни тиража, ни года. Артём достал из рюкзака свою, купленную за двести девяносто рублей, и положил рядом. Две серые книги лежали на столе, как двое родственников на семейной фотографии: те же обложки, тот же шрифт, и всё-таки чуть-чуть разные.

— Ваша темнее, — сказал Артём. — И мягче по краям. Как будто её много раз читали.

— Я читал два раза, — сказал Саша. — Остальное, види-

мо, до меня.

— У меня на форзаце чисто, — Артём открыл свою. — Ни слова.

Все посмотрели на единственное слово на форзаце Сашиной книги.

Магазин в Новосибирске

— Это было в конце ноября, — начал Саша. — Я приезжал к Олегу на выходные. В субботу он ушёл на смену и сказал: «Погуляй по городу, к вечеру вернусь». Я погулял. Шёл мокрый снег пополам с дождём, и я зашёл в первый попавшийся книжный, просто погреться. Названия не помню. Зелёная вывеска, рядом аптека. Внутри пахло кофе из автомата.

Он говорил негромко, не торопясь, и по лицам было видно, что слушают все, даже Игорь.

— У кассы стоял стеллаж, а на нём бумажка на скотче: «Оставь свою. Возьми ту, что ждёт». Без подписи. Я спросил у продавщицы, что это. Она сказала, что полку придумала хозяйка, а люди носят книги сами: одни оставляют, другие берут, чем это заканчивается, никто не знает. Я подумал: почему бы нет. У меня в рюкзаке лежал самоучитель игры на гитаре, который я пять лет возил с собой и ни разу не открыл. Я его оставил.

— И взяли эту? — спросила Кира.

— Я не выбирал. Я просто провёл рукой по корешкам, и рука остановилась. Не как в кино, без музыки. Просто остановилась, и всё.

— Моторная память, — сказал Олег.

— Или ноги сами несут, — тихо сказал Артём и улыбнулся. — Мне в детстве один лама сказал: если ноги сами несут тебя, значит, там тебя ждут.

— Хорошая фраза, — сказал Саша. — Только у меня не ноги, а рука.

— Это то же самое, — сказала Лена. — Только ближе.

Синий карандаш

Кира достала телефон, нашла нужный снимок и положила его рядом с книгой. Картонная папка в издательстве, на обложке синим карандашом выведено: «…овский Александр», и фамилия расплылась пятном, похожим на ромашку.

В комнате стало тихо. Игорь первым наклонился, потом Лена, потом, чуть не стукнувшись лбами, все остальные.

— Цвет тот же, — сказал Игорь.

— Карандаш, судя по оттенку, один, — сказала Кира. — А по почерку я не графолог. Букву «А» оба пишут с маленьким хвостиком, но это, наверное, как «привет» и «пока»: так пишут многие.

— Одна рука и одна манера — разные вещи, — сказала Лена.

Олег встал и долго смотрел то на снимок, то на форзац.

— Я думал, что это совпадение, — сказал он наконец. — Имя на папке было то же, что у тебя.

— У меня? — переспросил Саша.

— Александр.

— Мало ли Александров.

— Да. Я так и думал, — сказал Олег. Пауза получилась чуть длиннее, чем нужно. — Саша, ты не был в издательстве?

— Не был.

— И не пишешь синим карандашом?

— Я вообще карандашом не пишу. У меня почерк как у врача, и синий я бы точно не выбрал.

Записка на полке

Игорь спросил, нельзя ли найти того, кто оставил книгу до Саши. Саша развёл руками: продавщица ничего не знает, книг на полке много, оставляют, берут, имён никто не записывает.

— Но записка там была давно, — добавил он. — Скотч пожелтел. Я её сфотографировал.

Он достал камеру из нагрудного кармана и протянул её Кире. На маленьком экране было видно стеллаж, корешки в беспорядке и бумажку на скотче. Почерк крупный, без наклона, фломастером: «Оставь свою. Возьми ту, что ждёт».

— Фломастером, — сказала Кира. — А не карандашом.

— Значит, записка и надпись на форзаце написаны разной рукой, — сказал Игорь.

— Или разным настроением, — сказала Лена.

Кира вернула камеру и записала в блокнот: «Найти хозяйку полки». Рядом приписала и подчеркнула: «Не спугнуть».

Вечер вопросов

К вечеру разговор стал тише, как стихает вода после грозы. За окном темнело рано, на подоконнике остыл чай, и кто-то включил настольную лампу, от которой в комнате стало уютно, как на кухне.

— Можно вопрос? — спросил Саша.

— Нужно, — сказал Олег.

— Вы уверены, что книга нашла вас, а не вы её?

Никто не ответил сразу. Артём поднял брови, Кира перестала писать.

— Это одно и то же, — сказала Лена. — Только с разных сторон.

— Это непроверяемо, — сказал Игорь.

— Зато красиво, — сказала Кира.

— Мне кажется, верны обе правды сразу, — сказал Артём и посмотрел на свою книгу. — Одна не отменяет другую.

Олег молчал. Потом сказал:

— Я хочу знать, кто оставил её на полке.

— Я тоже, — сказал Саша. — Поэтому я её и привёз, а не оставил себе на память.

Лена подняла глаза от блокнота.

— Если книга привела Сашу к нам, — сказала она, — то, может быть, он услышит и Колодец.

— Завтра едем к Нине Ивановне, — решил Олег. — Тебе стоит это увидеть.

— Я сделаю бутерброды, — сказал Игорь.

Он достал из рюкзака контейнер с синей крышкой и поставил его на стол с видом человека, принимающего самое важное решение дня. Саша посмотрел на контейнер, потом на всех, кто смотрел на крышку с тёплой улыбкой.

— Я чего-то не знаю? — спросил он.

— Это долгая история, — сказала Кира.

Глава 4. Ясный Ключ

Три часа на поезде

Утром Олег, Саша и Артём сели в поезд до Ясного Ключа. Остальные остались в городе: Кира собирала в дорогу пакет с пирожками для Нины Ивановны, Игорь протягивал бутерброды в контейнере с синей крышкой, а Лена, провожая, только сказала: «Слушайте внимательно» и больше ничего не добавила.

Три часа за окном проплывали белые поля, чёрные перелески и редкие станции, где на перронах стояли люди в тёплых шапках и смотрели на вагоны так, будто знали каждого пассажира в лицо. Саша сидел у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и время от времени доставал камеру. Олег, сидевший напротив, доставал свою. Они делали кадр в одну и ту же секунду, не глядя друг на друга. Артём, наблюдавший за этим со своего места, перестал удивляться на третьем раз и просто начал считать.

— Девять, — сообщил он в конце.

— Что девять? — спросил Саша.

— Девять раз вы снимали одновременно. Игорь был бы счастлив.

— Игорь был бы счастлив, — согласился Олег, — но не от этого, а оттого, что кто-то посчитал.

За окном показались низкие дома, дымки над крышами, речка с деревянными мостиками. Артём толкнул Сашу плечом.

— Ясный Ключ. Там всё ясно.

— Не всё, — сказал Олег.

— Но тихо, — сказал Артём. — Сами услышите.

Нина Ивановна

Она встретила их на крыльце, укутанная в платок, и ничуть не удивилась, будто они пришли по расписанию.

— А я чайник поставила, — сказала она. — Платон с утра говорил, что едут трое. Потом передумал и сказал, что четверо. Я и не знаю, чему верить.

Олег посчитал: он, Артём, Саша.

— Трое, — сказал он.

— Значит, кот считает по-другому, — спокойно ответила Нина Ивановна и перевела взгляд на Сашу. Смотрела долго, мягко, будто нашла знакомую вещь в неожиданном месте. — Вы братья?

— Близнецы, — сказал Саша.

— Видно, — кивнула она. — Сразу видно. И не очень. — Она отступила от двери. — Проходите. Дом любит, когда в нём кто-то есть. А когда двое одинаковых, наверное, любит

вдвойне.

В доме пахло зверобоем и печёными яблоками. В углу тикали ходики с нарисованной кукушкой, у которой давно не было голоса. Нина Ивановна разлила чай по толстым кружкам, поставила на стол варенье и пирожки, привезённые Кирой, и села напротив, сложив руки на коленях.

Платон

Платон лежал на печи, абсолютно чёрный, такой чёрный, что в сумраке казался дыркой в темноте. Когда все расселись, он открыл глаза. Два фиолетовых огня вспыхнули и погасли, как огоньки на приборной панели.

Он потянулся, спрыгнул на пол и пошёл через кухню. Мимо Олега, который, как ему казалось, был здесь почти своим. Мимо Артёма, которому он обычно позволял чесать себя за ухом. Прямо к Саше. Остановился в шаге, сел, обернув лапы хвостом, и стал смотреть.

Саша не двигался.

— Кажется, меня экзаменуют, — сказал он вполголоса.

— Он так всех, кто первый раз, — сказала Нина Ивановна. — Только обычно дольше.

Платон помолчал ещё секунду, будто принимая решение, потом вспрыгнул на колени к Саше, потоптался, устроился и замурчал так глубоко и ровно, что у Олега, сидевшего напротив, на мгновение стало тепло в груди.

— Со мной он так в первый раз не сделал, — заметил Олег.

— Ты тогда о физике думал, — сказала Нина Ивановна. — Он этого не любит.

Саша гладил кота, не глядя на него, и вид у него был такой, будто его пустили куда-то, где давно ждали. Артём заметил это и ничего не сказал.

Колодец

В «Колодец» они спустились после чая. Подземное помещение встретило их прохладой и запахом пыли. Кабели лежали ровными кольцами, пульт мигал спокойными огоньками, на ящиках в углу темнели футляры с приборами, а на одном из флажков, воткнутых в карту на стене, чьей-то рукой было выведено: «Колодец».

Олег включил пульт и отошёл. Он знал, что в такие минуты лучше ничего не говорить. Саша остановился посреди комнаты, закрыл глаза и стоял так минуту, две, три. Артём, сидевший на ящике, смотрел на него и почему-то улыбался.

Тишина здесь была плотной и закрытой, как в хорошо утеплённом доме: её держали стены.

Олег посмотрел на кривую. Она шла ровно. Потом, почти незаметно, на ней появилась ступенька. Маленькая, как дрожь на воде, когда в неё бросили песчинку. Она держалась секунды четыре и выровнялась.

— Наводка, — сказал Олег вслух, скорее себе. — Поезд.

— Поезд ушёл полчаса назад, — заметил Артём.

Олег не ответил.

— Здесь ждали, — тихо сказал Саша, не открывая глаз.

— Кого? — спросил Артём.

— Не знаю. — Саша открыл глаза и растерянно улыбнулся. — Так сказалось. Как будто это не я говорю.

Когда они поднялись наверх, в окне дома Нины Ивановны горела лампа. Она стояла на подоконнике, рядом с фиалкой, и бросала на снег тёплое жёлтое пятно.

— Я не специально, — сказала хозяйка, увидев, куда они смотрят. — Поставила и сама не знаю зачем. Просто стало темнее, чем нужно.

Лестница

Ночевать их оставили в доме. Олег с Сашей устроились на лавках у печи, Артём на сундуке под окном, укрывшись тяжёлым шерстяным одеялом. Платон спал в ногах у Саши, и по ровному дыханию было слышно, что оба довольны.

Артём не спал. Ходики отсчитывали секунды, в печи потрескивало, за стеной выла метель. Он лежал с открытыми глазами и слушал.

Сначала скрипнуло. Негромко, одинокое, как доска под чьей-то ногой. Потом ещё. Размеренно, не торопясь, кто-то спускался по деревянной лестнице. Артём затаил дыхание и

стал считать, как научил его Игорь: раз, два, три. Раньше он слышал только три ступеньки. Сейчас их было семь.

Семь. Скрип, пауза, ещё скрип. Ближе, чем в прошлый раз.

— Подожду, — прошептал он, не то в темноту, не то человеку на лестнице.

Скрип затих. Не оборвался, а именно затих, как затихает музыка в соседней комнате, когда кто-то закрывает дверь, но не до конца.

Утром Саша за чаем долго молчал, потом сказал, глядя в кружку:

— Ночью кто-то ходил по лестнице.

Олег поднял глаза. Нина Ивановна, которая наливала варенье, убрала ложку.

— У меня дом в один этаж, — сказала она.

— Знаю, — сказал Саша. — Я об этом и подумал.

Артём улыбнулся в кружку и ничего не сказал. Платон потянулся на подоконнике рядом с лампой.

— Старые дома разговаривают, — сказала Нина Ивановна и снова взялась за ложку. — Только не всегда о себе.

Глава 5. Новый вопрос

Сообщение

Телефон Артёма пискнул в лаборатории, когда они только вернулись из Ясного Ключа и не успели как следует отряхнуть снег. Кира разливала чай, Игорь раскладывал бутерброды на листе бумаги так, как раскладывают вещественные доказательства, Лена сидела на подоконнике, и только Саша стоял посреди комнаты и не знал, куда деть руки.

Артём достал телефон, прочёл и молча повернул экран.

Узел_01. Всё те же слова, без подписи. Но на этот раз они выглядели не как письмо, а как приглашение:

«Вопрос первый. Где вы будете, когда зацветёт? Там, где Сема входит в Катунь, а склоны становятся розовыми. Тишина там не за стенами. Не торопитесь. Но успейте».

Никто не сказал ни слова. Игорь надел очки, снял, потом снова надел. Кира поставила чайник на стол с тем звуком, с каким ставят что-то слишком осторожно.

— Это тот самый новый вопрос, — сказал Олег.

— Это не вопрос, — сказал Игорь. — Это адрес.

Как читать

Читали по очереди, как читают письмо из старой жизни: каждый останавливался на своём слове.

— «Когда зацветёт», — повторила Кира. — Это срок. У всего цветущего срок есть, его просто надо знать.

— «Не за стенами», — сказала Лена. — Это про «Колодец». Тот, кто пишет, знает, что мы там были.

— Или просто знает, что тишина бывает разная, — сказал Саша.

— «Не торопитесь, но успейте», — Игорь поморщился, как от задачи с двумя неизвестными и одним условием. — Это же противоречие. Либо торопиться, либо нет.

— Это просьба, а не инструкция, — сказала Лена.

— У меня в детстве было похожее, — вдруг сказал Саша. — Мама говорила: «Приходи, когда зацветёт сирень». Не говорила, в какой день. Просто приходи, когда зацветёт. И я приходил, и всегда как будто вовремя.

Олег посмотрел на брата, и во взгляде было то, чего он обычно не показывал: тепло, не прикрытое иронией.

Карта

Карта на стене лаборатории уже давно была не просто кар-

той. Игорь утыкал её флажками, как ёлку игрушками, и каждый что-то значил. На одном из них его рукой было выведено «Колодец».

— Если у сообщения есть адрес, его можно найти, — сказал он, раскрывая ноутбук. — Адрес состоит из двух частей: места и события. Место нам назвали. Событие подскажут растения.

Он набрал в строке поиска два слова и несколько минут молча читал. Остальные ждали, как ждут результата анализа.

— Сема, — сказал он наконец. — Река на Алтае. Приток Катуни. А рядом село, оно так и называется: Усть-Сема. Устье Семы.

— Алтай, — выдохнула Кира.

— А розовые склоны? — спросил Артём. — Я знаю, что это. Багульник. У нас в Бурятии в мае целые сопки сиреневые, как будто кто-то пролил краску.

— На Алтае его зовут маральником, — сказал Игорь, не отрываясь от экрана. — И цветёт он тоже в мае.

Он встал, нашёл флажок, поднёс ручку и после секундного колебания написал: «Усть-Сема». Воткнул его в карту, чуть левее и ниже «Колодца», и все долго смотрели на два флажка, как смотрят на двух соседей, которые не подозревали друг о друге.

— Я там никогда не был, — сказал Артём. — Только слышал.

— Я видел только фотографии, — сказал Игорь. — Но

говорят, на фотографиях этого не видно.

— Чего не видно? — спросил Саша.

— Того, что там на самом деле.

Срок

— Когда он цветёт? — спросила Кира.

Игорь прокрутил страницу.

— В этих краях, как правило, в мае. Точной даты никто не называет: зависит от погоды, цветение растягивается почти на месяц.

— Значит, май, — сказал Олег. — Если отпустят на две недели.

— Отпустят, — сказала Кира.

— Откуда ты знаешь?

— Я журналист. Я знаю, как просить.

Все засмеялись, даже Олег, и напряжение, державшееся с утра, разошлось, как туман над рекой. Лена перелистнула страницу блокнота.

— Нужно будет почувствовать, когда ехать, — сказала она. — Не по календарю.

— Это не метод, — сказал Игорь.

— Это начало метода, — ответила Лена.

Игорь открыл рот, чтобы возразить, потом закрыл и записал в блокнот: «Не по календарю». Кира заметила, что он подчеркнул это дважды.

— Что-то подсказывает мне, что мы поедем, — сказала она.

Прощание

Саша уезжал через два дня, под вечер, когда на вокзале горели фонари и снег лежал на перроне ровно, как скатерть. Олег провожал его с термосом и пакетом пирожков от Киры, которые Саша долго пытался вернуть, потому что у него «и так в чемодане места нет».

— Это не для места, — сказал Олег. — Это для дороги.

Они стояли у шестого вагона, как стояли в детстве у школьной двери, когда один уже вышел, а другой ещё не решил, идти ли следом. Саша достал камеру, повертел в руках и убрал.

— Позвони в ту минуту, когда подумаешь обо мне, — сказал он. — Я тоже позвоню. И посмотрим, как сегодня.

— Это вероятность, — машинально сказал Олег.

— Конечно, — согласился Саша, и они обнялись.

Проводник дал сигнал. Саша шагнул на подножку и обернулся.

— Когда зацветёт, — сказал он.

— Когда зацветёт, — повторил Олег.

Поезд тронулся тихо, будто не хотел будить. В окне шестого вагона мелькнул силуэт, поднятая рука, а потом в окне показалась камера. Олег достал свою и сделал кадр. Через

мгновение вспышка в окне поезда ответила тем же.

Поезд растворился в сумерках. На перроне стало тихо, и только в одном из окон вокзала горел жёлтый свет, тёплый, как лампа у кровати. Олег посмотрел на него и не стал останавливаться. Просто улыбнулся и пошёл к выходу.

Часть II. Язык

Глава 6. Две недели

Доклад

Заведующий отделом Виктор Павлович принимал по средам. В его кабинете на подоконнике рос кактус, которого он называл «коллегой» и которого, по слухам, ни разу не поливал дважды в одном месяце. «Единственный, кто со мной не спорит», — говорил он.

В феврале в институте было тихо, как бывает в институте, когда зима затянулась, а весна ещё не заявила о себе. Олег пришёл в среду с папкой под мышкой и с лицом человека, который репетировал всю ночь. В папке лежали восемь страниц текста и двенадцать графиков. Слова «мурзион» там не было, и Игорь, перечитав отчёт накануне, вслух заметил, что это самый честный документ в его жизни, потому что в нём вообще нет ни одного слова, которое что-нибудь обещает.

Виктор Павлович читал медленно, шевеля губами в самых серьёзных местах. Переворачивал страницы. Один раз остановился, посмотрел на кактус, потом снова в текст. Олег си-

дел напротив и изучал узор на скатерти.

— Слабые корреляции, не объяснимые случайностью, — наконец прочёл заведующий вслух. — В нескольких точках одновременно. — Он снял очки. — Вы понимаете, как это выглядит?

— Не знаю, как это выглядит, — честно сказал Олег. — Но оно воспроизводится.

Что такое подпись

— У вас здесь слово, — Виктор Павлович постучал пальцем по странице. — «Подпись». Подпись чего? И кем поставленная?

Олег давно ждал этого вопроса и всё равно не нашёл ответа заранее. Они с Игорем всю неделю искали замену, и Игорь предлагал «устойчивая форма отклика», «характеристический профиль» и даже «паспорт сигнала», пока Олег не сказал: «Подпись и есть слово. Потому что она именно подпись».

— Повторяющаяся форма отклика, — сказал он. — У каждого наблюдателя своя. Она появляется, когда он входит в зону измерения, и не меняется.

— У наблюдателя или у прибора?

— Пока мы не разделяем.

— Хорошо, что честно, — кивнул Виктор Павлович. Он отодвинул чашку и вдруг улыбнулся так, как улыбаются,

вспомнив что-то давнее. — Знаете, в девятнадцатом году я сам подписал отчёт, где было что-то похожее. Три страницы. Таблица, график и абзац в конце, мелким шрифтом.

— Я его читал, — сказал Олег.

Заведующий посмотрел на него внимательно.

— Тогда не воспроизвели. Забыли. А знаете почему? Потому что смотрели каждый у себя. А когда смотрят по отдельности, никто ничего не видит. — Он помолчал. — Вы, я вижу, смотрите вместе.

Разрешение

Разрешение пришло в форме условия, как и положено разрешениям в научных учреждениях.

— Вот что я скажу, — Виктор Павлович сложил страницы ровной стопкой. — К середине апреля мне нужны три воспроизводимые серии. Независимо подтверждённые, из разных точек, желательно не вашими собственными руками. Принесёте — получите две недели, с конца апреля, и три комплекта переносных датчиков под роспись.

— Две недели? — переспросил Олег.

— Вы же в какую-то поездку собираетесь, судя по тому, что в отчёте нет ни одного слова про цель.

Олег промолчал. Заведующий не стал дожидаться ответа.

— И одно условие, личное. Без сенсаций. Вернётесь с отчётом, скучным, как инструкция к пылесосу.

— Это как раз мой план Б, — сказал Олег.

— Вот и хорошо, — сказал Виктор Павлович и вернул ему папку. — Хороший план Б — половина успешного плана А.

На выходе Олег поймал взгляд кактуса. Кактус, как ему показалось, смотрел одобрительно.

Ящики с датчиками

Склад института находился в подвале, в конце коридора, где пахло краской и старыми проводами. Заведовала им Тамара Ивановна, женщина сурового вида и добрейшей души, которая выдавала имущество строго под роспись и считала каждый винтик членом семьи.

Олег пришёл с Игорем и Артёмом, потому что одному унести три ящика было нельзя, а вдвоём можно. Игорь привёз с собой опись на трёх страницах, составленную накануне, и положил её на стойку с таким видом, будто предъявлял документ ООН.

— Акт приёма-передачи, — сказала Тамара Ивановна, не глядя. — В двух экземплярах.

Артём тем временем обходил стеллаж и негромко здоровался с ящиками. Каждому, по очереди. Тамара Ивановна подняла голову.

— Молодой человек, не разговаривайте с имуществом. Оно материально ответственное.

— Я так, на всякий случай, — сказал Артём. — Чтобы

они знали, что мы их берём не просто так.

— Они не знают, — сказала Тамара Ивановна, но уголки губ у неё дрогнули.

Он достал из кармана три красные нитки и привязал по одной к ручкам ящиков.

— Нитки не положены, — заметила Тамара Ивановна.

— Это не нитки, — сказал Артём. — Это пожелание.

Тамара Ивановна посмотрела на нитки, потом на Артёма, потом на опись и молча поставила печать. На акте, в строчке «примечания», она добавила от руки: «С красными нитками. Не снимать».

Лестница ближе

В общежитии по ночам было тише, чем днём, но по-другому, как бывает тише море после шторма. Артём лежал на кровати, сосед по комнате давно спал.

Он не пытался слушать. Он научился в последние недели просто лежать и не мешать. И вот, когда мысли сами улеглись по местам, снова скрипнуло. Не громко. Но уже не как прошлой ночью, а чуть увереннее, как скрипит доска под ногой, которая знает, что дойдёт.

Артём считал, как учил Игорь: раз, два, три, четыре. Пять. Шесть. Семь.

Восемь.

Девять.

Он замер. Скрип остановился, как будто тот, кто спускался, тоже замер и прислушивался.

— Я слышу, — прошептал Артём.

Но тишина, которая пришла следом, как после хорошего разговора.

Утром он написал в общий чат одно слово: «Девять».

Игорь ответил почти сразу: «Было семь. Прогресс: примерно две ступеньки за неделю. Если тенденция сохранится, к маю дойдёт до двадцати».

«К маю он уже спустится», — написал Артём.

«Кто?» — спросил Игорь.

Артём долго смотрел на экран. Потом написал: «Не знаю. Но подожду».

Глава 7. Перекличка

Расписание

Игорь составил расписание на трёх листах, и каждый лист был похож на железнодорожный график: клеточки, стрелки, даты, время по трём часовым поясам. Условие Виктора Павловича он принял как личный вызов. Три воспроизводимые серии. Независимо подтверждённые. Не руками Олега.

— Правила простые, — сказал он по телефону, и в трубке слышно было, как он шелестит бумагой. — Три вечера. Начало в двадцать один по Новосибирску, это семнадцать по Москве и Казани. Каждый вечер шесть окон по десять минут. В каждом окне один «зовёт», остальные слушают. Кто зовёт, знаю только я.

— А что значит «зовёт»? — спросила Кира.

— Просто быть на связи, — ответила Лена. — Сидеть тихо и не мешать.

— Научно звучит, — сказал Игорь.

— Звучит как лучший вечер недели, — сказала Кира.

За минуту до каждого окна Игорь присылал в общий чат одно слово: «Слушайте». Имени не называл. Бланк у каждого был один и тот же: время, место, «что почувствовал», «что

услышал» и графа «другое», в которой Артём в первый же вечер написал: «Хорошо».

Шесть точек

Кира сидела в машине на подземной парковке рядом с редакцией, потому что в самой редакции тихо не бывает никогда. Она выключила двигатель, поставила на панель телефон с датчиком и закуталась в плед, который возила с собой «на случай». Парковка гудела вентиляцией, но через пять минут Кира перестала это замечать.

Лена устроилась на кухне в Казани, пока дочь делала уроки в соседней комнате. Свет она выключила, оставив только лампочку над плитой, и поставила перед собой чашку, которую так и не отпила. Блокнот лежал рядом, закрытый.

Саша вышел на балкон в куртке и шапке, с термосом и камерой. «На всякий случай», — сказал он сам себе, хотя что такое «случай» в этом контексте, объяснить не мог. Внизу светилось одно окно в доме напротив.

Артём сидел на лестничной площадке общежития, между третьим и четвёртым этажом, потому что в комнате сосед смотрел фильм, а здесь было тихо. Он прислонился спиной к батарее и закрыл глаза.

Игорь заперся в ванной. «Там лучшая акустика, — объяснил он на следующий день. — И нет окон. Нет отвлекающих факторов». На коврике рядом с ним лежал ноутбук, на

крышке стоял контейнер с синей крышкой, который он зачем-то взял с собой.

Олег остался в лаборатории. Вахтёр, увидев его в девять вечера, спросил, не случилось ли чего. Олег ответил, что ничего, просто тихий вечер, и вахтёр кивнул, как кивают люди, давно привыкшие не задавать лишних вопросов. Красная нитка на стойке магнитометра чуть шевелилась от сквозняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.